

Оригинальная статья

УДК 130.2

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2025-11-5-34-46>

Абсорбция антипотребительского дискурса капиталистической политикой

Алексей Николаевич Ильин

*Омский государственный педагогический университет, Омск, Россия,
ilin1983@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1090-3636>*

Введение. Цель статьи – проанализировать явление абсорбции антипотребительского дискурса капиталистической политикой. В наше время у культуры потребления прослеживается такая черта, как способность эффективно абсорбировать противоконсьюмеристский дискурс, делать его «своим». Аналогичным образом, капиталистическая политика находит возможности для интеграции антикапиталистических дискурсивных практик.

Методология и источники. В статье используются различные данные из исследовательских работ отечественных и зарубежных авторов. Среди используемых источников есть как классические работы, так и тексты современных авторов. Посредством неомарксистского метода удалось эксплицировать модели абсорбции капиталом антипотребительского дискурса. С помощью философско-культурологического подхода рассмотрена эта проблематика как относящаяся к особенностям функционирования культуры потребления. Философско-политологический подход позволил выявить политические аспекты присвоения капиталом антикапиталистических настроений народных масс. Философско-исторический подход дал возможность проследить проблему абсорбции социалистических идей в историческом ключе – на примере фашизма. Методологической базой послужили философские концепты Г. Маркузе, «теория общества спектакля» Г. Дебора, идеи Г. Лукача. В работе используется ряд непереуведенных на русский язык исследований Г. Дебора, К. Корша, Г. Лукача, Г. Маркузе, И. Терборна.

Результаты и обсуждение. В статье показывается различные стратегемы того, как капитализм интегрирует в себя антипотребительский дискурс, лишает его целостности, полноты и содержательности. Капитализм, приспособляясь к своим нуждам антикапиталистический дискурс, продолжает свое развитие и отчасти таким образом минимизирует тяжесть характерных для него кризисов. Также капитал посредством абсорбции оппозиционных для него явлений находит новые средства повышения прибыли. Научные достижения становятся на службу манипуляции сознанием. Иррациональность создается, выверяется, находит наиболее эффективную для манипуляции форму посредством научной рациональности. Происходят капитализация протеста против капитализма, консьюмеризация бунта против консьюмеризма. Даже фашизм успешно привлекал оппозиционный, антибуржуазный дискурс ради собственного блага.

Заключение. Делается вывод, что границы между капиталистическим (потребительским) и антикапиталистическим (противоконсьюмеристским) дискурсами становятся весьма расплывчатыми. Происходит некая форма культурного империализма, когда осуществляется наступление господствующей идеологии и коммерциализации на «чужое поле». То, что было чужим, инаковым, переформатируется, принимает превратный облик и становится своим. Этот процесс эффективно работает на экспансив-

© Ильин А. Н., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

ный захват капиталом нового поля, на нейтрализацию идеологического (и классового) оппонента, на расширение возможностей извлечения прибыли.

Ключевые слова: антипотребительский дискурс, консюмеризм, реклама, капитализм, фашизм

Для цитирования: Ильин А. Н. Абсорбция антипотребительского дискурса капиталистической политикой // ДИСКУРС. 2025. Т. 11, № 5. С. 34–46. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-5-34-46.

Original paper

The Absorption of Anti-Consumer Discourse by Capitalist Politics

Aleksey N. Il'in

*Omsk State Pedagogical University, Omsk, Russia,
ilin1983@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1090-3636>*

Introduction. The purpose of the article is to analyze the phenomenon of absorption of anti-consumer discourse by capitalist policy. Contemporary consumer culture demonstrates the ability to absorb anti-consumer discourse and to transform it into something “of its own”. Similarly, capitalist politics finds ways to integrate anti-capitalist discursive practices.

Methodology and sources. The article uses various data from research works of domestic and foreign authors. The sources include both classical works and texts of modern authors. By means of the neo-Marxist approach, it was possible to explicate the models of absorption of anti-consumer discourse by capital. Through a philosophical and cultural approach, we examined this problem as related to the peculiarities of the functioning of consumer culture. The philosophical and political approach identifies the political aspects of capital's appropriation of anti-capitalist sentiments among the masses. The philosophical and historical approach traces the absorption of socialist ideas in a historical context, with fascism as a case study. The methodological basis was provided by the philosophical concepts of H. Marcuse, the theory of the “society of the spectacle” by G. Debord, and the ideas of G. Lukács. The work uses a number of studies by G. Debord, K. Korsch, G. Lukács, H. Marcuse, and I. Therborn that remain untranslated into Russian.

Results and discussion. The article shows various strategems through which capitalism integrates anti-consumer discourse, depriving it of integrity, completeness and content. By adapting anti-capitalist discourse to its needs, capitalism continues its development and partly mitigates the severity of its characteristic crises. Capital also finds new means of increasing profits through the absorption of phenomena that are opposed to it. Scientific achievements are put to the service of manipulating consciousness. Irrationality is created, verified, and given its most effective form of manipulation through scientific rationality. Protest against capitalism becomes capitalized, and rebellion against consumerism becomes consumerized. Even fascism successfully appropriated oppositional, anti-bourgeois discourse for its own benefit.

Conclusion. The study concludes that the boundaries between capitalist (consumer) and anti-capitalist (anti-consumerist) discourses are becoming very vague. A certain form of cultural imperialism occurs, when the dominant ideology and commercialization attack the “foreign field”. What was once alien or different is reformatted, distorted and becomes one's own. This process effectively works for the expansive capture of a new field by capital, for the neutralization of the ideological (and class) opponent, for the expansion of opportunities for profit.

Keywords: anti-consumer discourse, consumerism, advertising, capitalism, fascism

For citation: Il'in, A.N. (2025), “The Absorption of Anti-Consumer Discourse by Capitalist Politics”, *DISCOURSE*, vol. 11, no. 5, pp. 34–46. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-5-34-46 (Russia).

Введение. Важное свойство современной рекламы и потребительской инфраструктуры – способность абсорбировать антипотребительский дискурс, к которому относятся коммунистические, социалистические, анархические, антиглобалистские идеологические проекты. Капитализм научился приручать эти тенденции так, что элементы антипотребительского дискурса из оппонентов консюмеризму превращаются в его сторонников или в бессловесных спутников, утративших подрывной потенциал. Так нейтрализуется проникновение Иного в господствующий порядок вещей.

Одновременно с этим происходит экспансия консюмеризма и коммодификации в сферы, которые имеют нерыночный характер: спорт, образование, медицина, семейная жизнь, искусство. Так, образование и медицина превращаются в институт услуг, где нормой становится платный характер, главенство экономических критериев эффективности. Спорт давно стал массовым, зрелищным, превращенным в средство заработка. Искусство также приобрело массовый характер, изрядно коммерциализировалось. В нем доминантой становится не реальный талант и профессионализм музыкантов, писателей, художников, поэтов, а их экономическая конкурентоспособность, которая определяется в том числе понятностью для широкой публики, развлекательностью в ущерб содержательной глубине. Семейные отношения нередко характеризуются материальным интересом к богатству и статусу избранника в большей степени, чем истинными чувствами. Более того, именно семейные ценности, которые на первый взгляд не связаны ни с каким потребительством и не подвержены коммерции (если бы они коммерциализировались, то перестали бы быть семейными, здесь ситуация «или-или»), эксплуатируются рекламой. Например, в рекламе сока «Моя семья» (и во многих других аналогичных роликах) фигурирует здоровая, довольная улыбающаяся семья из четырех внешне симпатичных человек – родителей и двух детей. Мягко подчеркивается, что их красота, улыбчивость и счастье связаны с их потреблением рекламируемого продукта. Или как вариант «реклама убеждает, что покупка нового дома (мебели) укрепляет семейные отношения, а приобретение спутниковой антенны позволит родителям больше времени проводить с детьми» [1, с. 158]. Однако давно доказано, что консюмеризм производит индивидуалистические ценности; нейтрализуя социальные и семейные ценности, он вместе с тем обнаруживает способность спекулировать на них.

Методология и источники. В статье используются различные данные из исследовательских работ отечественных и зарубежных авторов. Среди используемых источников есть как классические работы, так и тексты современных авторов. Посредством неомарксистского метода удалось эксплицировать модели абсорбции капиталом антипотребительского дискурса. С помощью философско-культурологического подхода рассмотрена данная проблематика как относящаяся к особенностям функционирования культуры потребления. Философско-политологический подход позволил выявить политические аспекты присвоения капиталом антикапиталистических настроений народных масс. Философско-исторический подход дал возможность проследить проблему абсорбции социалистических идей в историческом ключе, на примере фашизма. Методологической базой послужили философские концепты Г. Маркузе, теория «общества спектакля» Г. Дебора, идеи Г. Лукача. В работе используется ряд непереведенных на русский язык исследований Г. Дебора, К. Корша, Г. Лукача, Г. Маркузе, И. Терборна.

Результаты и обсуждение. Еще Г. Маркузе в 1960-х гг. показал, что капиталистическое общество вытравило из критических теорий оппозиционность и встроило их в свою жизнь. Происходит слияние противоположностей. Общество сдерживает качественные социальные перемены, могущие привести к утверждению новых институтов и новых форм человеческого существования. Эта способность сдерживания – исключительное достижение индустриального общества. В нем уже не подавляются влечения, а формируются ложные – репрессивные потребности. Аппарат производства тяготеет к тоталитарности в том числе вследствие того, что им определяются индивидуальные потребности и устремления [2]. Осуществляется особая форма диктата над сознанием человека, его мировоззрением, которая, будучи вариацией «мягкой силы», сдерживает его протестную активность. Оппозиция существует, но ее бытийный статус ограничен рамками статус-кво. Она предлагает альтернативы, но в основном те, которые можно встроить в систему, не меняя самой системы. Это – косметический вариант, который на языке марксистов назывался чем-то вроде реформизма, оппортунизма или POSSИБИЛИЗМА.

Тоталитарное, как его с некоторой провокационностью называл Маркузе, общество изобилия с легкостью поглощает нон-конформистскую деятельность. Трансцендентное измерение искусства, противоположное реальности, нейтрализуется и оккупируется репрессивным обществом. Капитализм вобрал в себя самые радикальные и авангардные формы искусства. Произведение как искусства, как и антиискусства, коммерциализируется, становится меновой стоимостью, товаром [3]. Речь идет о том, что формы антиискусства, направленного на протест против сложившегося порядка, тоже интегрируются этим порядком, находят в нем свою нишу. Общество закрывает пути бегства, протеста, отказа и диссоциации, поглощая или побеждая любую эффективную оппозицию, закрываясь от качественных социальных изменений, а именно появления качественно новых форм человеческого существования и подавляя потребность в социальных переменах. Даже либерализация сексуальной морали реализуется внутри репрессивного общества, которое использует секс как продаваемый товар, устраняя и подчиняя те факторы, которые, по мнению Фрейда, сделали сексуальность и Эрос освободительной и опасной силой. Либерализация секса практикуется людьми, которые остаются отчужденными. И сексуальное удовлетворение стало средством приспособления [4]. Искусство, литература, музыка, философия теряют свое отстранение от принципа реальности, что было их освободительной функцией. Образы и идеи, благодаря которым искусство, литература и философия ранее превосходили и обвиняли данную реальность, интегрированы в общество, и сила принципа реальности значительно расширилась в отличие от силы принципа удовольствия [5]. Под принципом реальности понимается бытие капитализма, которое репрессирует инстинктивные порывы, выраженные в принципе удовольствия.

По замечанию Г. Дебора, спектакль как предоставляет псевдоблага, которые следует вожделеть, так предлагает бунтарям фальшивые модели перемен. Налицествует псевдоотрицание спектакля. Показной бунт сливается с принятием существующего, и принятие господствующего положения вещей может сосуществовать со зрелищным бунтарством; сама неудовлетворенность стала товаром [6, 7]. Иногда зрелищное бунтарство следует понимать в совершенно прямом смысле слова. Однажды на одном из оппозиционных митингов пришлось наблюдать следующее зрелище: молодой человек взял у одного из активистов крас-

ный флаг, сфотографировался с ним и ушел восвояси. Так был оставлен «цифровой след» для друзей, знакомых, но не для самой оппозиционной деятельности.

Г. Дебор, указывая на тотальное идеологическое разложение, писал, что правящая идеология заботится о тривиализации и стерилизации подрывных открытий. Уважая абстрактный принцип интеллектуального и художественного творчества, буржуазия сопротивляется настоящим творениям, когда они появляются, а затем эксплуатирует их. Ей необходимо поддерживать определенную степень критичности исследований среди меньшинства, но и важно направить эту деятельность в узкоразделенные утилитарные дисциплины и предотвращать целостную критику и экспериментирование. В области культуры буржуазия стремится направить опасный для нее вкус к новаторству на безобидные формы новизны. Правящим кругам удастся использовать досуг, отнятый у них революционными рабочими, с помощью развития индустриального сектора досуга, выступающего орудием оболванивания рабочих продуктами мистифицирующей идеологии и буржуазных вкусов: например, обилие транслируемых по телевидению глупостей вносит вклад в недоразвитие политического сознания американского рабочего класса. И как только освободительные движения лишаются своей роли в производстве новых ценностей, они становятся резервом интеллектуального труда, из которого буржуазия может набирать людей, способных привнести новаторские оттенки в ее пропаганду. Так, сюрреализм был внедрен в обычную коммерцию, и его идеи подверглись ликвидации [8, 9]. Дадаизм играл революционную роль, разрушая условности искусства, но формы дадаизма были превращены в реакционную диверсию неодадаистами, делающими карьеру на повторении стиля [10]. Во-первых, наука невозможна без критичности. Во-вторых, буржуазия заинтересована в первую очередь в утилитарной (не в фундаментальной) науке, результаты которой можно применить в интересах накопления капитала. В-третьих, не только телевизионные глупости, а практически вся инфраструктура потребления отупляет политическое сознание рабочих, заставляет забыть свой классовый интерес, деморализует, социально атомизирует людей, направляет внимание в сторону развлекательности. И это касается далеко не только американских рабочих. В-четвертых, правящим кругам ничего не стоит совершать отделение талантливых людей от их освободительной вотчины, чтобы ставить себя в услужение за высокие зарплаты, статус и престиж. Так талант, некогда успешно функционировавший в рамках продвижения левой идеологии, можно переориентировать на работу по пропаганде господствующей системы ценностей.

Несмотря на все разговоры о том, что в мире научно-технического прогресса логическое мышление будет планомерно заменять мифическое, последнее продолжает существовать (в том числе благодаря широко развитой инфраструктуре потребления). Рефлексия и логика нередко становятся не средствами борьбы с мифами, а, напротив, способами их дальнейшего утверждения, придающими мифам большее правдоподобие. Ведь реклама и маркетинг пользуются логикой, чтобы продвигать товар и формировать фиктивные потребности. Опираясь на четко выверенные наукой закономерности, реклама часто в абсолютно нелогичной, суггестивной и эмоциональной форме предлагает что-либо купить – и делает это успешно. Так научные достижения становятся на службу манипуляции сознанием. Иррациональность создается, выверяется, находит наиболее эффективную для манипуляции форму посредством научной рациональности. Таким же образом поставленная на коммерческую

службу наука (интегрированная и абсорбированная капиталом) формирует способы для интеграции некогда протестного дискурса.

С точки зрения ортодоксальных марксистов, капитализм из-за своих несомненно наличествующих внутренних противоречий должен потерпеть крах, и на его место придет социалистический порядок. Однако капитализм существует и сейчас, и он даже сдвинулся вправо, стал еще более контрреволюционным и антинародным, чем, например, в середине XX в., когда существовали социальные государства в капиталистических странах Запада. Он вступил в период наиболее реакционного неолиберализма. Продолжая рождать кризисы, доводить до предельной черты неравенство, он совершенствует свою способность справляться с расшатывающими его проблемами значительно лучше, чем представляли себе классики марксизма. Капитализм, приспосабливая к своим нуждам антикапиталистический дискурс, продолжает свое развитие и отчасти таким образом минимизирует тяжесть характерных для него кризисов. Также капитал посредством абсорбции оппозиционных для него явлений находит новые средства извлечения и повышения прибыли. С. Жижек отмечает, что капитализму свойственно постоянно революционизировать себя [11]. Он задается вопросом: «Разве история капитализма – это не продолжительная история того, как преобладающей идеологически-политической структуре удавалось осваивать (и смягчать подрывное значение) движения и требования, которые угрожали самому ее выживанию?» [12, с. 310–311]. В другой работе Жижек пишет: «Фундаментальный урок глобализации заключается в том, что капитализм может приспособиться ко всякой цивилизации, от христианской до индуистской или буддистской, от Запада до Востока» [13, с. 111]. И действительно, капитализм свободно и успешно использует любой материал для своего дальнейшего функционирования. В психологии гибкость поведения считается одним из наиболее важных качеств человека, позволяющих ему эффективно адаптироваться к окружающей среде. По аналогии следует сказать, что капитализм для самосохранения использует максимальную гибкость, которая выражается, помимо прочего, в его способности интегрировать, абсорбировать, нейтрализовывать антикапиталистические идеи и формы протеста. Таким образом он в некотором роде герметизирует универсум человеческого существования, подстраивает под себя и удерживает в «надлежащем виде» систему отношений. У. Бек отмечал такое явление, как онаучивание протеста против науки (выступающая против науки критика делает это, опираясь на научную основу) [14]. По аналогии можно постулировать капитализацию протеста против капитализма, консюмеризацию бунта против консюмеризма.

Также стоит обратиться к положениям, высказанным в «Диалектике Просвещения». Надзор за тем, чтобы воспроизводство духа случайно не стало более расширенным, осуществляется агентами индустрии. Культуриндустрия учреждает собственный язык. Перманентной погоней за новыми эффектами, остающимися привязанными к старой схеме, усиливается власть стереотипа. Все появляющееся несет на себе печать жаргона и удостоверяет себя в качестве апробированного. Стил культуриндустрии является отрицанием стили – всеобщее подменяет собой особенное, а сама культура представлена в однообразном и клишированном виде. Культуриндустрия абсолютизирует имитацию. Сам термин «культура» уже предполагает процедуры схематизации, каталогизации и классификации, которые противны культуре, так как приобщают ее к сфере администрирования. Все отрасли духовного

производства подчиняются одной цели – скрепить все чувства человека в его свободное от работы время. Все, что оказывает сопротивление, выживает лишь приспособиваясь; будучи зарегистрированным в своем отличии от культуриндустрии, оно становится частью ее. Бунтарство превращается в товарный знак того, кто смог снабдить производство новыми идеями. Тот культурный продукт, который не выказывает своей конформности, подстройки под вкусы масс, обречен на экономическое бессилие и остается немощным внутри сферы оригинальничающего чудачества; будучи исключенным из производственного процесса, демонстрирующий свою ненужность и нерентабельность, он превращается в неполноценный [15]. Наверное, далеко не все сопротивляющееся выживает только через приспособление, однако в целом авторы правы, если простить им такое обобщение.

Капитал уничтожает барьеры, распространяется на новые территории, овладевает новыми смысловыми областями. Также он подкрадывается к некапиталистической и даже антикапиталистической сфере и ее дискурсу, пытаясь захватить их своими цепкими лапами. В свое время Ленин отмечал, что осуществляются попытки превратить великих революционеров в безвредные иконы, выхолостить содержание их учения, притупляя, искажая и опошляя революционное острие, выдвигая на первый план приемлемое для буржуазии, что делается для одурачивания рабочих [16]. В сущности, протест против капитализма капитализируется, коммодифицируется.

Л. Троцкий писал, что французские и немецкие романтики всячески изобличали буржуазную мораль и мещанский быт. Они эпатировали старшее поколение, но их протесты, длинные волосы и красные жилеты ни к чему потрясающему не привели, а самих романтиков буржуазное общественное мнение в конце концов усыновило и канонизировало в школьных учебниках [17]. В общем, протест оказался политически обезвреженным. И далее Троцкий повествует, что для войны 1914 г. буржуазия использовала чувства и настроения, которые по своей природе призваны питать восстание: во Франции война представлялась как прямое завершение Великой революции, в Италии сторонниками вмешательства в войну были революционеры (футуристы, республиканцы, масоны, социал-шовинисты), итальянский фашизм обрел власть революционными методами, приведя в движение массы, а итальянский футуризм интегрировался в фашизм. От себя добавим, что хотя здесь в контексте войны и фашизации наличествует абсорбция революционного духа, но имеет место и нечто иное. Дело в том, что властями в качестве своего инструмента использовались не столько революционные, сколько околореволюционные чувства. Так, недаром Ленин во многих своих работах, написанных на протяжении Первой мировой войны, изобличал социал-шовинистов как недостаточных революционеров и вообще людей, отошедших от подлинного марксизма.

Также К. Корш отмечал, что фашистская контрреволюция пытается осуществиться новыми революционными методами и в широком масштабе. Переход к фашизму осуществлен контрреволюционным и антипролетарским, но объективно прогрессивным и идеологически антикапиталистическим и плебейским движением, которое научилось применять для своих эволюционных целей методы, разработанные во время предыдущей революции. Так, Гитлер и Муссолини многому научились в школе русского большевизма. Фаза фашистской трансформации была революционной по своей политической форме, но эволюционной по своему объективному социальному содержанию [18]. Тут можно поспорить с тезисом, что

фашизм эволюционен, а представляющее его движение прогрессивно и антикапиталистично, тем более, сам же Корш описывает его как контрреволюцию. Последней же свойственно делать шаг назад, а совсем не вперед, в то время как эволюция предполагает движение вперед. Да, фашизм не представлял собой возврат к феодальным структурам, не вводил сословий и не реставрировал добуржуазные производственные отношения. Однако он оставлял общество в рамках капиталистической формации и ограничивал прогрессивные достижения буржуазной демократии, при этом в своей идеологии ориентируясь на архаические мифы. Но здесь интересен факт, что фашизм использовал в том числе революционные методы, будучи по своему содержанию контрреволюционным, антимарксистским, воинственно направленным против коммунизма. Марксизм проповедовал промышленным рабочим в век машин найти средство от пороков индустриальной эпохи на основе дальнейшего развития новых промышленных сил. Точно так же, отмечает Корш в этой же работе, научные и пролетарские социалисты во время фашизма должны найти средства от зла монополистического капитализма и фашистской диктатуры на основе самого монопольного и государственного капитализма. Здесь уже налицо обратный момент абсорбции, когда не фашизм использует революционные пролетарские методы, а напротив, в духе марксизма, именно рабочие опираются на производственные достижения соответствующего режима, чтобы сменить последний более социально ориентированным. Основная разница в том, что первый вариант абсорбции был применен на практике, а второй остался нереализованным.

Продолжая тему фашизма, сошлемся на Г. Маркузе, который писал, что классическое искусство стало неотъемлемой частью «культуры» при национал-социализме; оно было приручено и примирено с преобладающим образом мышления и чувств. Классику убил дух будничности, который смотрит на искусство как на стимулятор и развлечение. Она стала работать не против системы, а на нее, как тонизирующее средство и украшение подчинения. Причем нацизм спекулировал на антибуржуазности немцев, если описывать буржуазный мир как обитель шатко сбалансированных прав и обязанностей, где субъективные ценности подчинены объективным стандартам предложения. До начала XX в. средний класс не формировал модель немецкого общества. Многие люди находились в условиях полуфеодальных форм интеграции и контроля: отношения господства и подчинения были более прямыми и «личными», чем в системе рынка, что объясняет патриархальные и авторитарные элементы отношений. Широкие слои не были проникнуты «духом капитализма», и люди оставались свободными от стандартов полезности, целесообразности и эффективности. Однако антикапиталистические настроения немецкого большинства ограничивались крупной собственностью и финансовым капиталом, но не были враждебны частной собственности. Как раз существовала мечта о восстановлении мелкой собственности [19]. И национал-социализм активно поднимал на свой щит призывы против крупного капитала, особенно финансового. Это случай, когда крайняя форма капитализма апеллирует к мелкобуржуазному антикапиталистическому настроению.

Как известно, после Первой мировой войны Германия переживала сильнейший экономический кризис. И фашизм тогда стал спекулировать на антикапиталистическом дискурсе. Движение Гитлера называло себя Национал-социалистической немецкой рабочей партией, хотя социалистическим его назвать нельзя. Однако само его наименование, словесный яр-

.....

лык указывают на попытку «подстроиться» под популярный тогда социализм. Гитлеровская Германия стала второй страной в мире, после Советского Союза, установившей Первоймай в качестве государственного праздника, «Дня немецкого труда» [20]. Г. Лукач констатировал, что фашизму присуще противоречие между классовым содержанием и пропагандой, между массовой базой и целью. Фашизм мог закрепиться в массах благодаря своей апелляции к их инстинктивным антикапиталистическим настроениям. В период экономического кризиса ограбление масс крупным капиталом было колоссальным, и на этом возмущении, а также на национальном унижении Версалем фашизм и спекулировал. Но якобы антикапиталистические настроения оставались в рамках буржуазной идеологии. Фашисты использовали риторику, поднимающую проблемы эксплуатации и обнищания рабочих, однако эта пропаганда направлялась против классовой борьбы пролетариата. Пробужденная кризисом системы капитализма ненависть мелких буржуа к монополистическому капиталу отводилась в русло направляемых против коммунизма lamentаций. В массах раздувался страх перед пролетарской революцией, который использовался в интересах монополистического капитала. Растерянных мелких буржуа вербовали в армию наемников, нужную для подавления трудящихся. Поэтому придумывались лозунги «народного единения», с помощью которых якобы планировалось ликвидировать принижающее господство экономики как воплощения бездушного механического материализма. Фашизму удалось превратить ранее антикапиталистически мобилизованные массы в послушное стадо монополистического капитализма. Массы поддались соблазну фашизма, будучи уверенными благодаря фашистской пропаганде, что марксизм и либерализм виновны в их несчастьях. Социал-демократия действительно себя дискредитировала своей реакционностью, отходом от марксизма, перерастанием в социал-империализм, своим инкорпорированием в капиталистическую систему, стремлением удержать рабочих от реальной борьбы против наступления национал-социализма [21–23]. Фашисты мошеннически, используя фальсификации, изображали в качестве предвестника национал-социализма Георга Бюхнера. По факту они просто спекулировали его именем, так как Бюхнер был революционером. Согласно фашистскому «методу», поздние якобинцы вроде Гельдерлина, революционные демократы, такие как Георг Бюхнер, даже бунтари, такие как Флобер и Бодлер, которые разочаровались, стали скептиками и иногда поддаются мистическим порывам, превращаются в носителей фашистского отчаяния, хотя их пессимизм не имеет ничего общего с империалистической демагогией фашизма. Их мышление конкретно, исторично и социально, а потому и глубоко человечно. Правильно понятые великие поэты и мыслители прошлого представляли опасность для фашизма и потому они подвергались фальсификации и присвоению [24]. В общем, фашистское движение, массовой базой которого был антикапитализм, служило интересам крупного капитала, но демагогически апеллировало к интересам большинства. Оно для повышения собственной легитимации в глазах масс пыталось паразитическим образом присвоить себе те явления из духовной жизни, которые не имели к фашизму никакого отношения. В результате, апеллируя к борьбе со старым режимом, фашизм окончательно уничтожил демократические свободы и вогнал трудящихся в еще более сильное угнетение и эксплуатацию.

Критические значения истины вырваны из контекста, к которому они принадлежали, и в своей новой форме получают официальную огласку. Например, положения, бывшие в Ев-

ропе прерогативой рабочего движения, принимаются силами, которые эти положения осуждали. В фашистских странах они служили идеологическим орудием наступления на «еврейский капитализм» и «западную плутократию», прикрывая тем самым действительный фронт борьбы. Материалистический анализ экономики использовался для того, чтобы оправдать фашизм перед немецкими промышленниками, в интересах которых он действует как режим последней инстанции для империалистической экспансии. В других странах критика политической экономии применялась в борьбе между конфликтующими бизнес-группами и как оружие правительства для разоблачения монополизма; она пропагандировалась обозревателями крупных синдикатов прессы и проникала в популярные журналы и в обращения к ассоциациям производителей [19]. Развитая индустриальная цивилизация демонстрирует модели мышления и поведения, в соответствии с которыми идеи, стремления и цели, по своему содержанию качественно превосходящие установившееся положение вещей, либо отталкиваются, либо сводятся к условиям этого положения вещей. Технологическая рациональность делает трансцендентное измерение нереалистичным или переводит его содержание в операционный контекст. Оно включено в разумность того, что есть и что может быть в пределах данной реальности [4]. Даже самые антинародные ультраправые режимы всегда экспроприировали народный дискурс. Они же не могут официально заявить что-то вроде «мы выступаем против любых прав и свобод людей и за то, чтобы алчные олигархи продолжали любыми способами наживаться на рабочем классе». Поэтому приходилось использовать метод «перманентного скатывания в демагогию», непристойным способом присваивая альтернативный (по сути вражеский) дискурс в его некоторых отдельных элементах. В конце концов рождалась и эксплуатировалась, условно говоря, риторика в стиле «мы за все хорошее против всего плохого». Только никогда эта риторика не затрагивает основы критики политической экономии, главные научные постулаты марксизма. Она ходит по поверхности оппозиционных течений, вырывает из них лишь отдельные элементы, представляет напоказ только малое и не самое главное из того, что представители франкфуртской школы называли критической теорией общества. Если капиталистический тоталитаризм будет брать на вооружение лево-демократический дискурс в его полном виде, то со всей очевидностью нарушится «гармония» между словами и делами, риторикой и конкретными политико-экономическими решениями элит. Последние не могут себе позволить такую роскошь, как формирование диссоциации, дисгармонии слов и деяний. Им постоянно приходится сохранять некий относительный баланс между риторикой, которая понравится большинству, и действиями, направленными против интересов социального большинства. Возможно, отсюда и реанимация советских символов в антисоветскую постперестроечную эпоху.

Из более современных примеров приведем следующий. Сын Эрнесто Че Гевары Камило рассказывает, что на неофашистской демонстрации в Италии использовались плакаты с портретом Че; фашисты его представили как часть собственной символики. Так происходит грубое и непорядочное (когда цель кажется всегда оправдывающей средства) запутывание для привлечения масс на свою сторону. Позже, по верному замечанию Камило, организаторы таких тактик могут цинично объяснить содеянное как ложь, необходимую во имя высшего блага, которое, в свою очередь, останется заложником горстки привилегированных лиц [25]. Таким образом, идентичность поглощается, символ разоблачения успешно присваивается, равно как присвоению может принадлежать само разоблачение.

Заключение. Границы между капиталистическим (потребительским), в том числе ультра-реакционным, и антикапиталистическим (противоконсьюмеристским) дискурсами становятся весьма расплывчатыми. Происходит некая форма культурного империализма, когда осуществляется наступление господствующей идеологии и коммерциализации на «чужое поле». Таким образом то, что было чужим, инаковым, переформатируется, перекодифицируется, перепрошивается, принимает превратный облик и становится своим. Этот процесс эффективно работает для экспансивного захвата капиталом нового поля, для нейтрализации идеологического (и классового) оппонента, для расширения возможностей извлечения прибыли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зуляр Ю. А. Идеология и реклама // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. Политология, религиоведение. 2007. № 1. С. 150–164.
2. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А Юдина. М.: REFL-book, 1994.
3. Marcuse H. Art and Liberation. Collected papers of Herbert Marcuse. Vol. four / ed. by D. Kellner. NY: Routledge, 2007.
4. Marcuse H. Towards a Critical Theory of Society. Collected papers of Herbert Marcuse. Vol. two / ed. by D. Kellner. NY: Routledge, 2001.
5. Marcuse H. Five Lectures. Psychoanalysis, Politics and Utopia. Boston: Beacon Press, 1970.
6. Дебор Г. Общество спектакля / пер. с фр. С. Офертаса. М.: АСТ, 2022.
7. Debord G. The Society of the Spectacle (film soundtrack) // Bureau of Public Secrets. URL: <https://www.bopsecrets.org/SI/debord.films/spectacle.htm> (дата обращения: 21.12.2024).
8. Debord G. Report on the Construction of Situations and on the International Situationist Tendency's Conditions of Organization and Action // Bureau of Public Secrets. URL: <https://www.bopsecrets.org/SI/report.htm#Decomposition:%20The%20Ultimate%20Stage%20of%20Bourgeois%20Thought> (дата обращения: 22.12.2024).
9. Дебор Г. Психогеография / пер. с фр. А. Соколинской. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
10. Debord G. The Situationists and the New Forms of Action in Art and Politics. 1963 // Situationist International Online. URL: <https://www.sionline.recherche-editions.cddc.vt.edu/si/newforms.html> (дата обращения: 20.12.2024).
11. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / пер. с англ. С. Кастальского, А. Олейникова, Г. Рогоняна, А. Смирнова. М.: Европа, 2008.
12. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М.: Дело: РАНХиГС, 2014.
13. Жижек С. Год невозможного. Искусство мечтать опасно / пер. с англ. Е. Савицкого, А. Ожигановой, А. Маркова. М.: Европа, 2012.
14. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
15. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения / пер. с нем. М. Кузнецова. М.: СПб.: Медиум: Ювента, 1997.
16. Ленин В. И. Государство и революция // Государство и революция. М.: АСТ, 2020. С. 251–390.
17. Троцкий Л. Д. Литература и революция. М.: АСТ, 2023.
18. Korsch K. The Fascist Counter-revolution // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/archive/korsch/1940/fascist-counterrevolution.htm> (дата обращения: 14.03.2025).
19. Marcuse H. Technology, War and Fascism. Collected papers of Herbert Marcuse. Vol. one. / ed. by D. Kellner. NY: Routledge, 1998.
20. Therborn G. Class in the 21st Century // New Left Review. 2012. № 78. URL: <https://newleftreview.org/issues/ii78/articles/goran-therborn-class-in-the-21st-century> (дата обращения: 24.02.2025).

21. Лукач Г. Фашизм и теория литературы в Германии. 1936 // WayBack Machine. URL: <https://web.archive.org/web/20120815080218/http://mesotes.narod.ru/lukacs/ger.html> (дата обращения: 02.05.2025).

22. Lukács G. On Fascism. 1933 // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/archive/lukacs/works/fascism/index.htm> (дата обращения: 02.05.2025).

23. Lukács G. The fascist slogan "Liberalism = Marxism". 1931 // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/archive/lukacs/works/1931/liberalism.htm> (дата обращения: 07.05.2025).

24. Lukács G. The Real Georg Büchner and his Fascist Misrepresentation. 1937 // Marxists Internet Archive. URL: <https://www.marxists.org/archive/lukacs/works/buchner/lukacs.htm> (дата обращения: 08.05.2025).

25. Гевара К., Ясинский О. «Нужно просветить рентгеном советский опыт» // ЛИБА. 08.09.2016. URL: <http://liva.com.ua/guevara-camilo.html> (дата обращения: 18.05.2025).

Информация об авторе.

Ильин Алексей Николаевич – кандидат философских наук (2010), доцент кафедры практической психологии Омского государственного педагогического университета, ул. Партизанская, д. 4а, Омск, 644043, Россия. Автор более 200 научных публикаций. Сфера научных интересов: культура потребления, общество потребления, глобализация, неолиберализм.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 10.03.2025; принята после рецензирования 04.07.2025; опубликована онлайн 17.11.2025.

REFERENCES

1. Zulyar, Yu.A. (2007), "Ideology and Advertising", *The Bulletin OF Irkutsk State Univ. Series: Political Science and Religion Studies*, no. 1, pp. 150–164.

2. Marcuse, H. (1994), *One-dimensional man*, Transl. by Yudin, A., REFL-book, Moscow, RUS.

3. Marcuse, H. (2007), *Art and Liberation. Collected papers of Herbert Marcuse*, vol. four, in Kellner, D. (ed.), Routledge, NY, USA.

4. Marcuse, H. (2001), *Towards a Critical Theory of Society. Collected papers of Herbert Marcuse*, vol. two, in Kellner, D. (ed.), Routledge, NY, USA.

5. Marcuse, H. (1970), *Five Lectures. Psychoanalysis, Politics and Utopia*, Beacon Press, Boston, USA.

6. Debord, G. (2022). *La Société du spectacle*, Transl. by Ofertas, S., AST, Moscow, RUS.

7. Debord, G. (n.d.), "The Society of the Spectacle (film soundtrack)", *Bureau of Public Secrets*, available at: <https://www.bopsecrets.org/SI/debord.films/spectacle.htm> (accessed 21.12.2024).

8. Debord, G. (n.d.), "Report on the Construction of Situations and on the International Situationist Tendency's Conditions of Organization and Action", *Bureau of Public Secrets*, available at: <https://www.bopsecrets.org/SI/report.htm#Decomposition:%20The%20Ultimate%20Stage%20of%20Bourgeois%20Thought> (accessed 22.12.2024).

9. Debord, G. (2017), *Psychogeography*, Transl. by Sokolinskaya, A., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.

10. Debord, G. (1963), "The Situationists and the New Forms of Action in Art and Politics", *Situationist International Online*, available at: <https://www.sionline.recherche-editions.cddc.vt.edu/si/newforms.html> (accessed 20.12.2024).

11. Žižek, S. (2008), *The Parallax View*, Transl. by Kastal'skii, S., Oleinikov, A., Rogonyan, G. and Smirnov, A., Europa, Moscow, RUS.

12. Žižek, S. (2014), *The Ticklish Subject: the Absent Centre of Political Ontology*, Transl. by Shchukina, S., Delo, RANHiGS, Moscow, RUS.

13. Žižek, S. (2012), *The Year of Dreaming Dangerously*, Transl. by Savitskii, E., Ozhiganova, A. and Markov, A., Evropa, Moscow, RUS.

14. Beck, U. (2000), *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*, Transl. by Sedelnik, V. and Fedorova, N., Progress-Tradition, Moscow, RUS.

15. Horkheimer, M. and Adorno, T. (1997), *Dialektik der Aufklaerung. Philosophische Fragmente*, Transl. by Kuznetsova, M., Medium, Yuventa, Moscow, SPb., RUS.
16. Lenin, V.I. (2020), "State and Revolution", *Gosudarstvo i revolyutsiya* [State and Revolution], AST, Moscow, RUS, pp. 251–390.
17. Trotsky, L.D. (2023), *Literatura i revolyutsiya* [Literature and Revolution], AST, Moscow, RUS.
18. Korsch, K. (n.d.), "The Fascist Counter-revolution", *Marxists Internet Archive*, available at: <https://www.marxists.org/archive/korsch/1940/fascist-counterrevolution.htm> (accessed 14.03.2025).
19. Marcuse, H. (1998), *Technology, War and Fascism. Collected papers of Herbert Marcuse*, vol. one, in Kellner, D. (ed.), Routledge, NY, USA.
20. Therborn, G. (2012), "Class in the 21st Century", *New Left Review*, no. 78, available at: <https://newleftreview.org/issues/ii78/articles/goran-therborn-class-in-the-21st-century> (accessed 24.02.2025).
21. Lukács, G. (1936), "Fascism and Literary Theory in Germany", *WayBack Machine*, available at: <https://web.archive.org/web/20120815080218/http://mesotes.narod.ru/lukacs/ger.html> (accessed 02.05.2025).
22. Lukács, G. (1933), "On Fascism", *Marxists Internet Archive*, available at: <https://www.marxists.org/archive/lukacs/works/fascism/index.htm> (accessed 02.05.2025).
23. Lukács, G. (1931), "The fascist slogan "Liberalism = Marxism"", *Marxists Internet Archive*, available at: <https://www.marxists.org/archive/lukacs/works/1931/liberalism.htm> (accessed 05.07.2025).
24. Lukács, G. (1937), "The Real Georg Büchner and his Fascist Misrepresentation", *Marxists Internet Archive*, available at: <https://www.marxists.org/archive/lukacs/works/buchner/lukacs.htm> (accessed 08.05.2025).
25. Guevara, K. and Yasinsky, O. (2016), "We need to X-ray the Soviet experience", *LIVA*, 08.09.2016, available at: <http://liva.com.ua/guevara-camilo.html> (accessed 18.05.2025).

Information about the author.

Aleksey N. Il'in – Can. Sci. (Philosophy, 2010), Associate Professor at the Department of Practical Psychology, Omsk State Pedagogical University, 4a Partizanskaya str., Omsk 644043, Russia. The author of more than 200 scientific publications. Area of expertise: consumer culture, consumer society, globalization, neoliberalism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.03.2025; adopted after review 04.07.2025; published online 17.11.2025.